

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'04

ЯЗЫК И СТИЛЬ СЛОВА «О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»*

Дж. Дзиффер

Аннотация

Статья посвящена исследованию художественности произведения, стоящего у истоков древнерусской литературы. На языковом уровне анализируются некоторые лексические явления, отмечается, что лексика памятника не полностью отражена в словарях древнерусского языка. При рассмотрении стилистических особенностей большое внимание уделяется фигурам повтора, а также принципам библейской риторики, представленным в произведении. Языковые и стилистические явления рассматриваются на материале разных списков. Подчёркивается необходимость одновременного изучения, с одной стороны, рукописной традиции текста, с другой – его языка и стиля.

Ключевые слова: Слово «О законе и благодати», Синодальный список, древнерусский язык, словари древнерусского языка, фигуры повтора, библейская риторика, критика текста.

Слово «О законе и благодати» (далее Слово) – одно из самых красивых в литературном отношении произведений древнерусской и, шире, всей церковнославянской литературы. Более ста пятидесяти лет, с того дня, как текст Слова был впервые опубликован Александром Горским [1, с. 223–255], это суждение часто повторяли, но надо признать, что оно несколько не утратило истинности¹. Можно добавить, что и в языковом отношении Слово «О законе и благодати» принадлежит к числу выразительнейших произведений древнерусской литературы. Это тем более достойно упоминания, что речь идёт об одном из самых первых оригинальных древнерусских произведений, независимо от того, кто

* Основу настоящей статьи составляет текст доклада, который был прочитан 18 апреля 2012 г. в Казанском университете на научной конференции, посвящённой 85-летию Виталия Михайловича Маркова. Автор приносит искреннюю благодарность Марине Бобрик, Наталье Запольской и Анатолию Турилову за ценные замечания по содержанию доклада.

¹ См., например, следующие высказывания: «"Слово о законе и благодати" построено по типу панегириков и является высоким образцом красноречия этого рода, так что оно может быть для нас вполне надёжным показателем того, до какой степени совершенства могла уже в XI веке доходить русская литературная речь в руках талантливого её представителя» [2, с. 301]; "Scholars may argue the textual niceties, but on one issue they preserve a remarkable unanimity: Ilarion's sermon (or the sermon attributed to Ilarion) is *the* masterpiece of eleventh-century Kievan writing. It is a superb demonstration of stylistic virtuosity, a cogent and forceful specimen of theological and historical exegesis, a major monument of Kievan culture and thought. In other words, the sermon is universally praised for what it says, for the way it says it, and for the surprising fact that it exists at all" [3, p. XXXI].

в действительности был его автором – митрополит Иларион или другой человек, чьё имя мы так никогда и не узнаем².

Всё это было сформулировано как нельзя лучше в исследовании, с цитаты из которого я бы хотел начать свою статью: «Слово Илариона – замечательный образец древнейшего русского проповедничества не только по глубине богословской и историософской символики, но также и, может быть, даже в первую очередь по своему художественному мастерству, искусно сочетающему композиционное единство с индивидуальной, изысканно разнообразящей трактовкой его последовательных отделов и с бережным вниманием к мельчайшим деталям» [5, р. 9]. Эти слова принадлежат Роману Якобсону, который на следующих страницах своей работы блестящим образом осветил некоторые из упомянутых мельчайших деталей.

И всё же думается, что «художественное мастерство», продемонстрированное автором Слова, больше хвалили, чем исследовали³. Дело в том, что языку и стилю Слова посвящено лишь несколько работ, в которых рассматриваются только отдельные языковые черты. Можно указать на статьи Н.А. Мещерского [7], А.М. Молдована [8], интересные замечания о языке Слова мы находим у Р. Якобсона, в книгах Л. Мюллера [9, 10], а также в «Лекциях по истории русского литературного языка» (опубликованных посмертно) Б.А. Ларина [11, с. 111–122], где особое внимание уделяется семантике и стилю произведения. В данной статье я хотел бы остановиться на явном парадоксе, в силу которого о языке и стиле столь знаменитого произведения мы знаем относительно мало, и указать на возможную причину и некоторые последствия такого слабого интереса к этому вопросу, а также привести по крайней мере несколько новых данных об этом важном аспекте Слова.

Как все произведения первых веков древнерусской литературы, текст Слова дошёл до нас только в копиях, точнее, в копиях копий. Кроме одного фрагмента XIII века, сохранившиеся списки восходят к XV и следующим векам. Часто эти списки определяются как поздние, тогда как в действительности их хронология соответствует общему закону древнерусской рукописной традиции, согласно которому самые древние списки нелитургических произведений за редкими исключениями датируются XV веком [12].

Из-за отсутствия оригинала мы не можем определить, как выглядел первоначальный текст на фонетическом и морфологическом уровне. Так, рассмотрение рефлексов праславянского **dj* в разных списках нашего текста с подсчётом случаев присутствия *ž* или сочетания *žd* в них оказывается не слишком перспективным, поскольку такой перечень едва ли поможет восстановить облик оригинала или, скорее, архетипа традиции в том, что касается этой фонетической характеристики [13, с. 40–46]. Те же соображения можно повторить и по отношению к морфологическому уровню, где оказывается весьма затруднительно

² Несмотря на то что большинство исследователей без оговорок приписывают произведение киевскому митрополиту Илариону, вопрос об авторстве остаётся открытым. Это убедительным образом показал уже И. Жданов, который резюмировал свои соображения такими словами: «Итак, данные для признания митр. Илариона автором Слова и Похвалы не могут быть признаны совершенно достаточными. Иларион мог быть автором Слова, но не доказано, что он действительно им был» [4, с. 40].

³ Ярким исключением в этом отношении является проницательное исследование В.Н. Топорова [6], который отчасти развивает идеи Якобсона.

решить, что читалось в архетипе, восходят ли к нему, например, стяжённые или нестяжённые формы прилагательных, причастий или имперфекта [13, с. 56–59].

Другое дело, конечно, если мы по примеру Р. Якобсона и В.Н. Топорова обращаем внимание на такие фонетические черты текста, которые обладают литературной значимостью. Имеются в виду фонетические фигуры текста, в первую очередь изобилие аллитераций и паронимазий, и даже анаграмматические структуры, поскольку перед нами яркая стилиема, которая явно восходит к самому автору произведения [5, р. 12–19; 6, с. 326–333]. Есть, однако, другие области, где мы стоим на более твёрдой почве при изучении языка Слова: это лексика и синтаксис, которые, как известно, при переписывании церковнославянских текстов меняются иначе, чем фонетика и морфология, и при этом с другой скоростью.

Как именно и с какой скоростью менялись лексика и синтаксис Слова, мы можем наблюдать, сравнивая все списки, составляющие весьма богатую рукописную традицию текста. На сегодняшний день известно 55 списков, не считая косвенной традиции, которая также совсем не скудна⁴. Я не буду здесь касаться распределения рукописной традиции Слова по четырём редакциям (это тема отдельного исследования), сделаю только два беглых замечания.

Во-первых, как более сорока лет тому назад установил итальянский филолог Анджоло Данти, традиция текста совершенно гомогенна: разночтения есть, но они вполне сопоставимы, и речь должна идти не о разных редакциях (в смысле автономных композиционных единиц), а лишь о разных группах списков [16, р. 145]. Во-вторых, такое распределение имеет значение лишь с типологической точки зрения, будучи основано на критерии состава и полноты текста, то есть на факте наличия или отсутствия определённых частей текста, а не присутствия значительных – разъединительных и соединительных – ошибок (Trenn- und Bindefehler). Иными словами, в текстологическом плане такое распределение неоправданно [17, р. 18–23], но сегодня мы можем пренебречь этим вопросом и сосредоточиться на языке и стиле Слова.

Хотелось бы подчеркнуть то обстоятельство, что, несмотря на столь богатую рукописную традицию, до сих пор исследование текста с лингвистической точки зрения проводилось так, как если бы в нашем распоряжении был только один список – знаменитый Синодальный № 591, единственный представитель предполагаемой первой (полной) редакции или группы. В этом отношении Слово «О законе и благодати» сильно отличается от другого замечательного Слова древнерусской литературы – «Слова о полку Игореве», текст которого сохранился только в одном списке, погибшем ровно 200 лет назад. Упомянутые исследования Мещерского, Молдована, Ларина, Мюллера, а также Якобсона и Топорова на деле касаются только одного списка – Синодального (С-591).

Но прежде чем ближе посмотреть на сам текст Слова, думаю, стоит коснуться немаловажного вопроса: каким образом лексика памятника отражена в разных словарях древнерусского языка? В «Материалах» Срезневского (Срезн.),

⁴ К уже известным спискам, перечисленным в [13, с. 20–25], следует добавить единственный список так называемой толковой (или четвёртой) редакции, а также два списка, которые были введены в научный оборот относительно недавно: это Барсовский список, хранящийся в Государственном Историческом Музее в Москве (см. [14]), и Саратовский список, на который указал Анатолий Турилов [15, с. 53].

например, использованы публикация Горского и издание Мусин-Пушкинского сборника, подготовленного Всеволодом Срезневским [18]. Если же взять «Словарь русского языка XI – XVII вв.» (СРЯ), то обнаруживается, что для него были расписаны единственный список толковой редакции (РГАДА, собр. МГАМИД, № 478/958) и С-591 как в издании Розова [19, с. 152–175], так и в издании Молдована [13, с. 78–100], с привлечением вариантов из последнего издания. А как поступает третий главный исторический словарь, «Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.» (СДРЯ)? Здесь использован список Уваровский № 509, представитель так называемой 2-й группы, на том основании, видимо, что, поскольку он восходит к рубежу XIV и XV веков (по датировке Никольского) или к началу XV века (по датировке архимандрита Леонида), это старейший из всех полных списков. Однако рукопись датируется первой четвертью или третьей XV века⁵.

Как видим, лексика Слова попала в разные исторические словари в основном из отдельных списков, единственное исключение составляют «Материалы» Срезневского, где использовано издание Горского. Это последнее не является изданием Синодального списка, как нередко думали разные исследователи, попутно резко критикуя Горского за многочисленные «ошибки», то есть отклонения от текста самой рукописи. В действительности публикация Горского представляет собой не что иное, как сводный текст, основанный на сопоставлении четырёх известных издателю списков [20]. Иными словами, это до сих пор единственное издание, которое не ограничивается воспроизведением отдельного списка и исправлением явных ошибок. Это именно то, что до сих пор предпринималось слишком редко: внимательное сравнение разных списков. Их, конечно, надо сопоставить, но не для того, чтобы просто привести перечни разночтений (это, разумеется, необходимый первый шаг): накопленные разночтения надо изучать и толковать, стараясь определять, какие из них первоначальны, и по возможности объяснять причины возникновения вторичных разночтений⁶.

Что нам может дать – и, безусловно, даст – подобное изучение рукописной традиции, хотелось бы показать на нескольких примерах. Рассмотрим фрагмент, где впервые в тексте (после заглавия) упоминается *язык русский*: *вѣра во блг(д)тнаа по всеи земли прѣстрѣса. и до нашего языка рѣскааго доиде. и законное езеро прѣсѣше. ева(г)льскыи же источникъ наводнився. и всю землю покрывъ. и до насъ разліася се во оуже и мы съ всеми хр(с)тіаными славимъ стѣю тр(о)цж а иудеа молчить. хс славимъ вываеть. а иудеи кленоми. языци приведени. а иудеи ѡ(т)риновени. тако же пророкъ малахія ре(ч)е. нѣсть ли хотѣнїа въ сынехъ иилѣвѣ(х) (С-591⁷, л. 180 об., 2–16). Перевод звучит следующим образом: «Ибо вера благодатная распростёрлась по всей земле и достигла нашего народа русского. И озеро закона пересохло, евангельский же источник, исполнившись водой*

⁵ По сведениям А.А. Турилова, которые он предоставил автору этой статьи в личной беседе.

⁶ Это отчасти сделал Александр Молдован, защищая первичность целого ряда индивидуальных разночтений Синодального списка [21].

⁷ Несмотря на то что автор этой статьи не разделяет чрезмерного уважения, которым обычно пользуется Синодальный список, здесь и в дальнейшем ссылки даются именно на него как на самый доступный для читателя, поскольку разбираемые явления отражены и в нём.

и покрыв всю землю, разлился и до пределов наших. И вот уже со всеми христианами и мы славим Святую Троицу, а Иудея молчит; Христос прославляется, а иудеи проклинаются; язычники приведены, а иудеи отринуты. Как говорил пророк Малахия: “Нет благоволения моего к сынам Израилевым...”» (БЛДР, с. 39).

Как будто всё в порядке и проблем нет. Но, используя очень полезный и ценный критический аппарат, предлагаемый Молдованом, мы обнаруживаем, что причастие *кленоми* имеет относительно большое количество разночтений: *мьноми*, *многыми*, *мнози*, *проклинаеми* [13, с. 104, IV 35; с. 132, VI 43]. Ясно одно: первоначальное чтение здесь не могло быть *кленоми*, иначе было бы невозможно объяснить происхождение других разночтений⁸. Каково же было первоначальное чтение? Видимо, *мьноми* (от глагола *млати*), которое читается в целом ряде списков 2-й группы, в том числе и в Уваровском. Но если открыть СДРЯ, где причастия указаны отдельно, мы не найдём словарной статьи для *мьномыи* – значит, данная лексема ускользнула от внимания составителей этого словаря. Это важное чтение, однако, в словаре имеется в другом месте, внутри словарной статьи *приведеныи*, где читаем: *слави(м) бывае(т). а ю҃деи мьноми* (в др. сп. *кленоми*) *газыци приведени, а ио҃деи ѡ(т)ринѡвени* (СДРЯ).

Конечно, было бы весьма интересно систематически проследить, каким образом лексика Слова отражена в трёх упомянутых словарях, но это предмет отдельного разговора. Приведу только ещё один пример (подобные примеры легко умножить). Ни в одном из этих словарей не указано, что в рукописной традиции Слова засвидетельствована не только форма *коньчъныйй*, но и форма *коньчъншии*, которая читается, например, в петербургском фрагменте XIII века [22, с. 415]⁹.

Но не только язык можно и должно глубже изучать с помощью всей совокупной рукописной традиции. Есть случаи, когда не только чисто филологические, но и стилистические соображения помогают нам восстановить древнейший текст, что неудивительно, если иметь в виду «художественное мастерство» (выражение Р. Якобсона) его автора.

Возьмём другой, не менее интересный фрагмент: *и҃деиство во прѣста и законъ ѡ(т)иде. жертвы неприѣтны. кивотъ и скрижали. и ѡцѣстило ѡ(т)ато ѡбысть* (С-591, л. 175, 2–5), что по-русски звучит так: «И иудейство прекратилось, и закон миновал, жертвы неуютны, ковчег и скрижали и очистилище отнять» (БЛДР, с. 33). Не совсем понятно, что такое *жертвы неприѣтны*, и надо сказать, что после того, как Александр Горский не принял это чтение в своём сводном тексте [1, с. 229–230], Людольф Мюллер, один из лучших современных специалистов, работавших над текстом Слова, предположил, что это место испорчено и что следует восстановить первоначальное чтение *жертвы прѣсташа* [9, р. 29; 23, р. 48–49].

Но на самом деле не требуется никакой конъектуры, достаточно посмотреть в текст 2-й группы, где этот фрагмент читается таким образом: *и҃деиство во*

⁸ Напомню, что разночтение *кленоми* читается и в новом Барсовском списке (см. [14, р. 266–267]). Пользуясь случаем поблагодарить А.А. Зализняка, который много лет тому назад мне помогал лучше понять это – и не только это – важное место Слова.

⁹ Данное разночтение не указано в критическом аппарате издания Молдована [13, с. 86, 182, IV 52].

прѣста и законъ ѡ(т)иде. и скрижали. и ѡцѣстило ѡ(т)аго высть («Иудейство кончилось, закон миновал и скрижали, и очистилище было отнято»), где мы сразу замечаем красивый гендиадис законъ ѡтиде и скрижали [20, р. 272–273]. Подобный гендиадис мы имеем и в самом начале текста, где стоят слова нъ ѡправдѣ прежде племѣ авраамле скрижальми и закономъ. послѣжде же сномъ своимъ всѣ языки спсе (С-591, л. 168, 21 – 168 об., 3), в русском переводе: «Но прежде скрижальми и законом оправдал род Авраамов, затем же сыном своим спас все народы» (БЛДР, с. 27). Добавлю, что кроме этого в данном тексте есть и другие гендиадисы – в узком смысле слова, когда вместо существительного, определяемого или прилагательным, или другим существительным в родительном падеже, употребляется два существительных (хотя, конечно, их не так много, как синонимических диттологий, или тавтологий, или гендиадисов в широком смысле).

Что же касается упомянутого выше гендиадиса, то, устранив слова жертвы неприяты. кивотъ, можно восстановить и фонетические фигуры, поскольку сейчас мы имеем более компактное повторение начальных *от* и *о*, а также консонантного сочетания *ст*¹⁰. А если посмотреть на стиль произведения в более широком плане, мы обнаружим обилие различных фигур повторения (гендиадис, диттология, анадиплосис, эпанадиплосис, *figura etymologica*, многопадежие).

Хорошо известно, что текст Слова насыщен библейскими цитатами и реминисценциями. Но выясняется, что автор даже использовал (особенно через посредство таких фигур, как параллелизм, хиазм, антитеза) главные композиционные принципы библейской риторики, то есть паратаксис и бинарность [24, р. 655–659]. Они появляются уже в заглавии, которое звучит так: о законѣ мѡисѣомъ данѣмъ. и ѡ благодѣти и истинѣ, и(с)ѡ христомъ вышій. и како законъ ѡтиде бла(д)ть же и истина. всю землю исполни. и вѣра въ всѣ языки простреса. и до нашего языка рускаго. и похвала каганѡу нашему владимерѡу. ѡ(т) негоже крѣпени выхомъ (С-591, л. 168, 1–10), то есть «О законе, данном Моисеем, и о благодати и истине, явленной Иисусом Христом, и как закон миновал, а благодать и истина наполнила всю землю, и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского; и похвала великому князю нашему Владимиру, коим мы были крещены» (БЛДР, с. 27). Здесь мы находим не только основные мотивы произведения, но и концентрат из его главных риторических фигур (параллелизм, антитеза, многопадежие). А чтобы полностью охватить (по словам Риккардо Пиккио) «духовный смысловой уровень» Слова [25, с. 485]), нужно более подробно исследовать способы выражения типологической мысли (имеется в виду библейская типология), которая особенно характерна для 1-й части произведения: сюда входят и метафоры, и различные языковые средства (например, прилагательное *новый*, местоимения *мы*, *наш*, антитезы *закон* и *благодать*, *тьнь* и *истина* и т. д.) [26].

Автор Слова глубоко осознанно относится к выбору лексики. Л. Мюллер очень убедительно объяснил тонкие различия между такими словами, как, например, *земля*, *страна* и *язык* [10, S. 61–74]. Но к этому же семантическому полю

¹⁰ Именно об этих фонетических фигурах идёт речь в первой части статьи Якобсона [5], которому следует вменить в заслугу, что он первым подчеркнул эту важнейшую черту стиля автора Слова.

принадлежат ещё два слова, которые автор употребляет по одному разу – *край* и *область*. А если обратить внимание на микроконтексты, то выясняется, что не случайно автор здесь использовал именно эти лексемы. Вот пример со словом *край*: *хр(с)тіаннѣхъ же спсєніе вѣго и щедро. простираѣса на всѣ краѣ землены* (С-591, л. 173 об., 7–9) («Христианское спасение же – благодатно и изобильно, простираясь во все края земные» (БЛДР, с. 31)). Вместе этого автор мог бы написать *на всѣ конци земла*, как он пишет много раз, но здесь нельзя не заметить фонетические повторы *простираѣса... всѣ краѣ*, составляющие даже фонетический хиазм. А вот пример употребления слова *область*¹¹, где очень заметны повторы консонантных сочетаний *бр* и *бл*: *да аще єдиногѣ члѣка вѣративъшюу мѣ. толико вѣмездіе втѣ вѣгааго вѣа. то какво оубо спсєніе вѣрѣте ѡ василіе. како вѣрѣма грѣховное расыпа. єдино(г) вѣративъ члѣка ѡ(т) заблѣж(д)еніа идольскыа льсти. ни десяти, ни града. нѣ всю вѣласть сіюу* (С-591, л. 190, 17 – 190 об., 4) («Если же таково воздаяние от преблагого Бога обратившему даже одного человека, то какое же блаженство приобрел ты, о Василий? Какое упразднил ты бремя греховное, обратив от заблуждения идольского прельщения не одного человека, не десять, не град, но всю область сию» (БЛДР, с. 49)).

Надо сказать, что вообще в тексте почти нет гапаксов, поскольку в тексте подавляющее большинство слов (или по крайней мере корней) повторяется (что неудивительно при таком изобилии риторических фигур, основанных на повторении). Конечно, есть исключения из этого общего правила, которые разделяются главным образом на две категории¹²: а) гапаксы, находящиеся внутри библейских цитат (*гладъкы* (С-591, л. 183 об., 1), *далече* (С-591, л. 184, 9) и т. д.) и связанные по парадигматическому принципу с библейскими источниками; б) гапаксы, связанные с остальной лексикой текста по синтагматическому принципу через синонимические (*херувими и серафими* (С-591, л. 168 об., 10–11) – ангели (*passim*), *царе и властеле* (С-591, л. 189, 1)), антонимические отношения (*вправданіе идѣиско скоупо вѣ. <...> хр(с)тіаннѣхъ же спсєніе вѣго и щедро* (С-591, л. 173 об., 3–8)) или, как мы только что видели, через звуковые повторы (*край*, *область*, а также *время* и т. д.).

Подведём итоги. Если, несмотря на длительную традицию исследований, язык и стиль прекрасного Слова «О законе и благодати» мы знаем ещё пока недостаточно хорошо, то это по той же самой причине, по которой мы плохо знаем и генеалогические отношения между списками. Кроме того, всё ещё нет настоящего критического издания: до сих пор учёные больше занимались содержанием произведения, чем самим текстом. Исследователи, касавшиеся вопросов языка и стиля, были сосредоточены почти исключительно на Синодальном списке, часто оставляя вне поля зрения все остальные¹³. В этом отношении исключения составляют лексикографы, которые поступали по-другому, пользуясь

¹¹ Другие примеры, как уже было отмечено, проанализированы в [5, р. 12–19; 6, с. 326–333].

¹² Если не учитывать имена собственные (*Пётр, Павел, Асия, Ефес, Пафмос* и т. д.), которые находятся на периферии языка и поэтому не имеют особого значения.

¹³ Это специально оговаривал Якобсон: «В ожидании критического сравнения вариантов и опыта реконструкции первоначального текста мы покамест ограничиваемся наблюдениями над одним только Синодальным списком, отдавая себе полный отчёт в необходимости их проверки, когда полное научное издание дождётся своего осуществления» [5, р. 10].

и другими списками кроме Синодального. Я коротко указал, каким образом текст Слова отражается (и отчасти можно бы было сказать *не отражается*) в важнейших словарях древнерусского языка, в которых текст расписывался в основном по отдельным спискам и варианты применялись только выборочно.

Но и не критическое отношение к самому Синодальному списку не способствовало тому, чтобы уделять должное внимание богатой рукописной традиции текста и одновременно его языку и стилю. Как всегда, когда мы имеем дело с литературным произведением, которое до нас дошло не в оригинале, а в многочисленных списках, филологическое исследование рукописной традиции должно помогать изучению языка и стиля данного произведения и, наоборот, изучение языка и стиля – исследованию филологическому. Только на прочной основе многоуровневого разбора самого текста мы сможем глубже рассмотреть и пока ещё открытые филологические вопросы [27], и собственно языковые и стилистические характеристики этого великолепного произведения, стоящего у истоков древнерусской литературы.

Summary

G. Ziffer. The Language and Style of the Sermon “On Law and Grace”.

The author treats the “literary artistry” of the work written in the earliest period of Old East Slavic literature. At a linguistic level, the author analyzes certain lexical phenomena and points out that the lexical units used in the monument is not fully presented in the dictionaries of Old East Slavic. From a stylistic standpoint, particular attention is devoted to diverse figures of repetition and, in a broader perspective, to biblical rhetoric. Linguistic and stylistic phenomena are considered using different copies. The author also emphasizes the need for a simultaneous examination of both the language and style of the work and the philological aspects of its entire manuscript tradition.

Keywords: Sermon “On Law and Grace”, Synodal copy, Old East Slavic language, dictionaries of Old East Slavic, figures of repetition, biblical rhetoric, textual criticism.

Источники

С-591 – Слово «О законе и благодати» // ГИМ. Синод. собр. № 591. Л. 168–192.

Срезн. – Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: Труд И.И. Срезневского: в 3 т. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1893–1912.

СРЯ – Словарь русского языка XI – XVII вв.: в 28 т. – М.: Наука, 1975–2008.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.: в 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1988–2008.

БЛДР – Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. – СПб.: Наука, 2000. – Т. 1. XI – XII века. – С. 26–61.

Литература

1. *Горский А.В.* Памятники духовной литературы времён великого князя Ярослава I // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. – М.: Тип. Августа Семёна, 1844. – Ч. II. – С. 204–299.

2. *Сперанский М.Н.* История древней русской литературы. Введение. Киевский период. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1921. – СХ, 382 с.
3. *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus' / Transl. with an Introd. by S. Franklin.* – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1991. – СХV, 213 p.
4. *Жданов И.Н.* Слово о законе и благодати и Похвала кагану Владимиру // Соч. И.Н. Жданова: в 2 т. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1904. – Т. 1. – С. 1–80.
5. *Якобсон Р.О.* Гимн в *Слове* Илариона о законе и благодати // *The Religious World of Russian Culture. Russia and Orthodoxy.* – The Hague: Mouton, 1975. – V. II. *Essays in Honor of Georges Florovsky.* – P. 9–22.
6. *Топоров В.Н.* Работники одиннадцатого часа. «Слово о законе и благодати» и древнекиевские реалии // *Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре.* – М.: Гнозис: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. – Т. I. *Первый век христианства на Руси.* – С. 259–412.
7. *Мещерский Н.А.* К изучению языка «Слова о законе и благодати» // *Труды Отдела древнерусской литературы.* – Л.: Наука, 1976. – Т. 30. – С. 231–237.
8. *Молдован А.М.* Некоторые синтаксические данные «Слова о законе и благодати» в средневековых списках памятника // *История русского языка: Памятники XI–XVII вв.* – М.: Наука, 1982. – С. 67–73.
9. *Des Metropolitien Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Nach der Erstausgabe von 1844 neu herausgegeben, eingeleitet und erläutert von L. Müller. Wörterverzeichnis von S. Kehrer und W. Seegatz.* – Wiesbaden: Harrassowitz, 1962. – 229 S.
10. *Die Werke des Metropolitien Ilarion. Eingeleitet, übersetzt und erläutert von L. Müller.* – München: W. Fink Verlag, 1971. – 96 S.
11. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М.: Высш. шк., 1975. – 327 с.
12. *Ziffer G.* Una premessa cronologica allo studio della tradizione manoscritta slava orientale antica // *Russica Romana.* – 1997. – V. 4. – P. 11–25.
13. *Молдован А.М.* Слово о законе и благодати Илариона. – Киев: Наукова думка, 1984. – 240 с.
14. *Дзиффер Дж.* Новый список киевского трактата «О законе и благодати» (Москва, ГИМ, Барсов 1395) // *Russica Romana.* – 1999. – V. 6. – P. 263–267.
15. *Турилов А.А.* Кирилло-мефодиевская традиция и собрание рукописей Научной библиотеки Саратовского государственного университета // *Славянский альманах 2009.* – М.: Индрик, 2010. – С. 50–59.
16. *Danti A.* Sulla tradizione dello “Slovo o zakone i blagodati” // *Danti A. Fra Slavia orthodoxa e Slavia romana: Studi di ecdotica / A cura di A. Giambelluca Kossova.* – Palermo: Arnaldo Lombardi Editore, 1993. – P. 141–147.
17. *Ziffer G.* Per la tradizione del sermone kieviano “O zakone i blagodati” // *Venok. Studia Slavica Stefano Garzonio sexagenario oblata. In Honor of Stefano Garzonio / Ed. by G. Carpi, L. Fleishman, B. Sulpasso.* – Stanford: Dept. Slavic Langs. and Lits, Stanford Univ. – 2012. – P. 18–24.
18. *Срезневский Вс.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX века // *ИРАН. Записки.* – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. – Т. 72, прил. № 5. – 122 с.
19. *Розов Н.Н.* Синаодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // *Slavia.* – 1963. – Roc. 32. – S. 141–175.

20. *Ziffer G.* Ancora sull'editio princeps del "Della Legge e della Grazia" // *Russica Romana*. – 2002. – V. II (In ricordo di Michele Colucci). – P. 269–275.
21. *Молдован А.М.* Об «испорченных» написаниях Синодального списка «Слова о законе и благодати» Илариона // *Int. J. Slavic Ling. and Poet.* – 2002–2003. – V. 44–45. – P. 441–452.
22. *Покровский Ф.И.* Отрывок Слова митр. Илариона о законе и благодати в списке XII–XIII в. // *Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Акад. наук*. – 1906. – Т. 11, кн. 3. – С. 412–417.
23. *Müller L.* Neue Untersuchungen zum Text der Werke des Metropoliten Ilarion // *Russia Mediaevalis*. – 1975. – Т. II. – S. 3–91.
24. *Meynet R.* Trattato di retorica biblica. – Bologna: Edizioni Dehoniane, 2008. – 716 p.
25. *Пиккио Р.* Смысловые уровни в древнерусской литературе // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa. Литература и язык* / Отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугин. – М.: Знак, 2003. – С. 474–491.
26. *Suntrup R.* Zur sprachlichen Form der Typologie // *Geistliche Denkformen in der Literatur des Mittelalters* / Hrsg. von K. Grubmüller, R. Schmidt-Wiegand, K. Speckenbach. – München: W. Fink Verlag, 1984. – S. 23–68.
27. *Дзиффер Дж.* «Слово о законе и благодати»: между текстологией и критикой текста // *Труды Отдела древнерусской литературы*. – СПб.: Наука, 2010. – Т. 61. – С. 212–218.

Поступила в редакцию
06.09.13

Дзиффер Джорджо – директор Международного центра полилингвизма (Centro internazionale sul plurilinguismo), профессор кафедры славянской филологии, Университет Удине, г. Удине, Италия.

E-mail: giorgio.ziffer@gmail.com